

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

ПСИХ

Натиг Расулзаде

Псих

Текст предоставлен правообладателем

Псих:

Аннотация

С некоторых пор герой рассказа начинает остро ощущать всю несправедливую, уродливую устроенность современного мира, это сводит его с ума. Недолго пробыв в психиатрической лечебнице, где его стараются вылечить от неизлечимой болезни, он выходит в одурманенном состоянии из больницы, возвращается в свою комнату в коммунальной квартире с выселенными к тому времени соседями, уже целиком купленную нуворишем и встречается с чертом, желающим помочь ему...

Натиг Расулзаде

Псих

Дача находилась в селение Бузовны, примерно километров в сорока от столицы, от Баку. Маленький домик и большой виноградник, лоза стелющаяся по земле, по горячему песку – шаны, царь всех сортов винограда, что только есть на земле, но постепенно исчезающий, как в свое время вымерли саблезубые тигры. В домике три маленькие комнатки, две из которых на летний сезон обычно сдавались съемщикам, дачникам, желающим отдохнуть у моря, у своего моря, у Каспийского, не уезжая далеко, ни в какие Кисловодски, ни в какие Эссентуки, ни в какие Мин-воды... Здесь, у себя не хуже всяких курортов, конечно не так благоустроено, но все же жить можно, да и расходов, сами понимаете... гораздо, гораздо меньше. Когда сдавались обе комнаты, семья – новоявленные конкуренты отельному бизнесу – состоявшая из бабушки, невестки и пятерых детишек, мал мала меньше (старшему семь, младшему два, трудились, значит, не покладая рук, а точнее, не покладая чего-то иного, зря время не теряли, настрогали пятерых) ютилась в одной комнаткушке, спали все на полу, благо лето; все более или менее приличное, на чем можно было спать, сдавалось съемщикам. А муж, то есть папаша этого семейства, недавно погиб в автомобильной катастрофе, пролежал в коме полтора месяца, вытянув

всю имеющуюся наличность из семьи и помер, мир праху, как говорится. С той поры семья, потеряв кормильца, и вынуждена была вступить в неравный бой с процветающим гостиничным бизнесом в стране. Было папаше сорок семь, а жене его, что наплодила, всего только двадцать восемь, тем не менее, успела – пятерых, не шутка. Папашка стало быть на целых девятнадцать лет опережал благоверную, и та, стало быть, во всем была послушна оттого, что во-первых – разница в возрасте, во вторых – менталитет в своем праве и обычаи строгие, но справедливые, в третьих – село все-таки, где нравы и привычки сохраняются столетиями. Нравы такие, понятно? Так что, нечего... Папашка был шофером и угораздило его, если учесть, что машин в селе не густо и надо очень постараться, чтобы создать аварийную ситуацию. Но видимо, судьба: врезался на своем стареньком «форде» в грузовик на проселочной дороге, машина всмятку, сельское начальство (глава муниципалитета, невелика шишка) которое возил незадачливый папашка, сидело на заднем сидение, вопреки своему характеру всегда соваться вперед и оказалось большим везунком – ни царапины. В общем – помер папашка, осиротив пятерых маленьких граждан. Папашкин папашка семидесяти трех лет (в отличие от сына наплодивший только одного папашку), потеряв сына, стал стремительно стареть прямо, можно сказать, на глазах, хотя до тех пор был старик крепкий, так что, и стариком называть его как-то язык не поворачивался. Но... надо было жить дальше.

Стали сдавать на летний сезон комнаты дачникам, благо дом с виноградником находился близ моря, недалеко от дикого пляжа, кое-как пробавлялись, плюс пенсия папашкиного папашки.

Однажды одну из комнат занял мужчина лет далеко за пятьдесят, а если точнее – было ему под шестьдесят, представился он как доцент технического института, был очень нервным, ходил какими-то непонятными рывками по горячему песку, нервно переставляя ноги, нервно купался в море, мелкими нервными саженками плавал. Узнав, что он ученый, ему было предложили и вторую пустующую пока комнату, но он нервно и многословно отказался.

Пятеро малышей с утра до вечера возились в песке, и как правило у кого-то из пятерых, а то и сразу у двоих бывала диарея. Мать их, чтобы не мыть часто горшки, велела им облегчаться подальше от домика, возле ворот, что они и делали по многу раз в день, отчего у ворот стояла дикая вонь, неоднократно обновлявшаяся. Входящие во двор, проходили испытание вонью и только после этого испытания выходили на простор сада и двора, засаженного виноградником. Нервный комнатосъемщик, проходя мимо нечистот, над которыми жужжали большие зеленые мухи, каждый раз нервно вздрагивал, зажав нос, но ничего не говорил, не жаловался. И потому никто его не спрашивал, думали – может нравится, раз молчит. Но ему не нравилось. Правда, нравилась семья, эти простые, честные люди, и он не привередничал, тем бо-

лее, что издавна привык все носить в себе, не жалуясь, никого не беспокоя. Оттого и был очень нервным, и со временем становился все более и более нервным, хоть и любил купаться рано утром в прохладной морской воде. Но не помогла прохладная вода. Не успокаивала нервы, натянутые как струна и готовые лопнуть. Двадцать третьего июня, в среду, в пятнадцать тридцать пополудни (время местное) он сошел с ума.

Вдруг разом сник, осторожно переставлял ноги при ходьбе, будто входил в холодную воду, отвечал тихо, еле слышно на немногочисленные вопросы, однако, внезапно, ни с того, ни с сего начинал строить рожи непонятно в чей адрес и тут же виновато улыбался, но был впрочем, тихим, не буйным, нет, не буйным, просто странным. Но порой грозно сверкал глазами на задававших вопросы, на обращавшихся к нему по разным поводам, в основном – бытовым; словно грозил сердитыми и загадочными, предупреждающими взглядами: смотрите у меня! Неизвестно, что его побудило сойти с ума в это жаркое лето: то ли вонь при входе на дачу, то ли жара, то ли предрасположенность была издавна, то ли голову напекло под солнцем...

А потом произошло вот что: войдя в море по грудь, будущий пациент психбольницы, вдруг резко развернулся лицом к берегу и стал вещать грозные предсказания о конце света, если человечество не исправится; вещал он малочисленной аудитории зевак на берегу, состоявшей из нескольких маль-

чишек в черных трусах и парня-продавца вареной кукурузы. Он кричал так громко, что сразу привлек внимание людей на берегу, принявших его крики за вопли утопающего, но взглядевшись и прислушавшись, все поняли, что творится что-то неладное с нервным субъектом, к виду которого на пляже старожилы уже привыкли, а к крикам не привыкли, впервые слышали, чтобы он так кричал. Одним словом, кричал он до изнеможения, так что мальчишки, не вникая в текст, вынуждены были побежать и сообщить взрослым, те пришли, прислушались, пошептались и решили вызвать специалистов по психическим расстройствам, которое явно в данном случае наблюдалось, так как при неоднократных просьбах выйти из воды, нервный субъект покрыв всех отборным матом, угрозил, что утонит, если кто-нибудь вздумает приблизиться.

– Да оставьте его в покое, – предложил один из местных сельчан. – Рано или поздно сам вылезет.

– В самом деле, – согласился другой. – Пусть его покричит. Проголодается – сам выйдет из воды. Оставим его...

Но придя к согласию, все же не оставили в покое.

– А вдруг на самом деле утонит? – возник какой-то умник. – Как нам после этого купаться на нашем побережье?

Позвонили в психиатрическую лечебницу, что находилась как раз в соседнем селе и была известна на всю республику, объяснили ситуацию, заранее предупредили, что могут понадобиться водолазы. Часа через два приехала оттуда ма-

шина, два спеца, повидавшие и перевидавшие на своем веку огромное количество психов, так что, несмотря на то, что были простыми санитарями, могли даже ставить диагноз, извлекли бушующего субъекта из моря (для чего, раздевшись до трусов, поплыли шустро, как два средней величины дельфина и настигли объект, уплывающий в открытое море в направлении дружественной страны), усадили его в машину, потом неторопливо обсушились, оделись (было заметно, что плавание, совпавшее с их прямыми обязанностями, в этот жаркий день доставило им истинное удовольствие, и они в какой-то мере были благодарны новоиспеченному душевно-больному), залезли в машину, которая долго не заводилась и, наконец, почертыхавшись, покатали вдоль берега моря.

Событие стало поводом для пересудов в селе, и главными героями, естественно, стали члены семьи, приютившие несчастного, и все узнали, что звали его Юсиф.

Главврач в больнице был добрый, мягкий, веселый придурок (каким он показался с первого взгляда новому пациенту), постоянно находившийся в прекрасном расположении духа, и с больными по давней привычке любил разговаривать как с несмышлеными детьми. Он любил повторять своим студентам и всем остальным, не имевшим никакого отношения к психиатрии:

– Запомните – медицина самая темная из наук, а психиатрия самый темный уголок этой темной, еще вовсе не изученной до конца науки.

С ним соглашались. Не спорить же...

Юсифа привели к нему, когда естественным образом у нового пациента от переутомления вследствие многочасового до хрипоты крика иссяк вулкан словоизвержения, так удачно и бурно начавшийся в открытом море. Главврач внимательно и глубоко заглянул в глаза бессловесного, как рыба, больного, содрогнулся внутренне от умного взгляда ничего общего не имевшего с обычно бегающими, сумасшедшими глазами обитателей психбольницы, усомнился, и начал тихим, успокаивающим голосом.

– Медицина, дорогой вы мой, самая темная из всех наук, а психиатрия...

Пациент нетерпеливо покивал, давая понять, что продолжать нет необходимости. Тогда понятливый главврач замолк, продолжая наблюдать за физиономией новенького. А тот в свою очередь так же вполне бесцеремонно вглядывался в лицо главврача, словно отыскивая в нем признаки душевной болезни. Главврач кашлянул. Юсиф отвел взгляд.

– Расскажите мне о себе, – сказал главврач. – Если не возражаете...

– Хорошо, – хрипло выдавил из себя Юсиф.

– Хотите воды? – спросил главврач. – Или чаю? У меня в термосе есть.

– Во-ды, – голосом умирающего попросил Юсиф.

Главврач поднялся из-за стола, налил в стакан из графина на подоконнике кабинета воды и протянул стакан Юси-

фу. Тот как-то подчеркнуто медленно выпил воду, словно это был целебный напиток, и вернул стакан.

– Как вас зовут? – спросил главврач.

– На свете много несправедливости, – не по существу ответил Юсиф, будто сообщал важную и очень свежую новость.

Главврач понимающе покивал, соглашаясь.

– Очень много, – уточнил Юсиф.

Помолчал. Главврач ждал. Прошла минута. Потом еще одна.

– Это все? – осторожно поинтересовался главврач.

– Нет, – сказал Юсиф. – Только начало.

– Так, так, – сказал главврач. – Пожалуйста, продолжайте.

– Когда я был маленький, – стал вспоминать Юсиф и перед глазами его стали вставать картинки, о которых он хотел поведать главврачу, и по мере их вставания он озвучивал текстом невидимые собеседнику картинки. – Когда маленький... Мы малыши играли в футбол на улице... Лет семь, восемь, девять... Лично мне было восемь... Мы играли в футбол... Мяч был такой тяжелый... А окно бельэтажа... мы разбивали часто, а там жил судья, то есть, он раньше был судья, а теперь, то есть, тогда, когда мы играли, он был уже на пенсии... И чтобы мы в очередной раз не разбили бы ему стекло, он, как только мы начинали играть, выбегал на улицу с палкой в руке и гнал нас оттуда... Мы – врассыпную, но конечно, многим попадало от него. Он бегал за нами, не зная,

кого выбрать, мы же врассыпную, и очень кричал, ругался... потом одно время он исчез, долго не было, и нам мальчишкам было раздолье, никто не мешал играть, в окно его мы сразу попали, как всегда, и оно долго стояло разбитое, будто звало на помощь...

На этом месте главврач счел долгом прервать пациента, хотя отличался терпением и умением выслушивать всякого, кто отличался умением говорить.

– Вы случайно стихов не пишете? – каким-то встревоженным, вкрадчивым голосом поинтересовался он.

– Нет, – вздрогнул нервно рассказчик. – Совсем нет. С чего вы взяли? Упаси господь...

– Продолжайте, – ласково попросил главврач. – Извините, что перебил.

– Да... – вернулся к своему рассказу пациент. – Долго его не было... А потом мы узнали, что он в больнице... как-то сговорились и побежали туда, больница была недалеко, тогда город был маленький, не то что сейчас, и все было недалеко... Было лето, и все окна в больнице распахнуты, мы стали кричать: «Судья, эй, судья!» И он на самом деле высунулся из окна и стал, по привычке ругать нас. Он ругал, а мы хотели, только того и хотели, чтобы разозлить его, в очередной раз довести... Дети бывают такие жестокие... – пациент немного помолчал, вспоминая, и продолжил. – Ну, значит, потом он полечился и вернулся домой, и все опять стало, как прежде, мы играли под его окном, он выскакивал с палкой

в руках, кричал, ругался... Однажды я зазевался и он огрел меня своей палкой. Было очень больно, но я не заплакал, даже не пикнул. Ночью разболелась голова, он меня по голове ударил, я не мог заснуть от боли и стал проклинать судью, который был уже не судья, а пенсионер, я сказал: «Чтобы он сдох!». Через два дня судья умер. У него было больное сердце. Дети, которым он не позволял играть под его окном были рады, а я чувствовал себя виноватым. Потом одна наша соседка рассказала моей маме, как много хорошего для неё и для многих других людей сделал этот старый человек, когда работал в суде и от его слова многое зависело, как многих спас он от тюрьмы. Но другая женщина, тоже хорошо знавшая судью, позже рассказала маме, каким нехорошим человеком был этот судья, как он брал взятки, как старался набавить срок сговорившись с прокурорами тем подсудимым, кто не давал ему денег... Да, на свете много непонятного, несправедливого...

Юсиф поглядел на главврача, будто ожидая от него подтверждения своим словам.

Не дождавшись никаких слов одобрения, он продолжил.
– Если бы я сказал, что с тех пор меня мучает совесть, это было бы слишком примитивно, как вы считаете? Нет, это не совесть меня мучает за то, что я мальчишкой проклял старого человека и он умер, после этого я делал много плохого, недоброго, много гадостей и много хорошего также, как и большинство людей, как и все люди, как и вы, наверное,

доктор... Человек такой разный, такой... – он поморщился, подыскивая слово, нашел, просветлел, – такой непредсказуемый, ведь правда?

– Человеческая психика это такие дебри, в которых можно запросто потеряться самому опытному психиатру, – сказал врач, будто оправдываясь.

– Да, да, – нетерпеливо согласился Юсиф, будто не в первый раз слышал эти слова, – самый темный уголок... но спрятаться в нем невозможно. А жизнь... Вы замечаете, как жизнь быстро проходит? Быстро-быстро!.. Не успеешь оглянуться – уже девять вечера, скоро спать пора...

Главврач на этих словах пациента внимательно пригляделся к Юсифу и, вновь, как прежде не заметив никаких признаков душевного расстройства, осторожно, будто боясь спугнуть истину, произнес:

– По-моему, вы вполне нормальный человек, конечно, очень нервный, но психически нормальный... по-моему... Зачем вас привезли сюда?

– Я кричал в море.

– И... что?

– Приехали санитары, усадили меня в машину, привезли. Я не возражал.

– И что вы хотите?

Юсиф ответил не сразу. Главврач терпеливо ждал.

– Спрятаться, – тихо признался Юсиф.

Главврачу показалось, что он услышал что-то не то и он

пожелал уточнить.

– То есть?.. Я не совсем понял...

– Я боюсь, – признался Юсиф, и в глазах его заблестели слезы, а одна даже не удержавшись на ресницах, скатилась вниз по плохо выбритой щеке, наглядно демонстрируя искренность человека, далекого от демонстрации напускных чувств.

Главврач, выдержав паузу, спросил:

– Боитесь чего?

– Всего, – тут же ответил Юсиф готовый к ответу. – Боюсь всего: этого мира, этой жизни, окружающих незнакомых людей, знакомых, приятелей, товарищей, врагов, вас...

– Ну, дорогой мой, я пока вам ничего плохого не сделал, – добродушно отозвался главврач, прервав готового продолжать Юсифа, – и не собираюсь. Напротив, мне приятно, что вы, человек интеллигентный, ученый, здесь, у меня... – он стал подыскивать нужное слово и сразу нашел его, – у меня в гостях и беседуете со мной. У вас явная средней тяжести депрессия, но мы вас вылечим, депрессия, кстати, мой конек... Здесь в основном контингент больных составляют преимущественно люди бедные, плохо образованные, а то и вовсе необразованные, вы же – другое дело...

– Вы врете, – неожиданно прервал его Юсиф, глядя в лицо главврачу, чем даже несколько смутил видавшего виды и готового ко всему при общении с больными доктора. – И сами понимаете, что врете. Просто в тот момент, когда вы го-

ворите добрые, хорошие слова, вы сами верите, что не врете, говорите правду. Но на самом деле это не так. Вы наблюдали, как говорят дети между собой и со взрослыми? Конечно, наблюдали. Вот так и надо общаться нам всем. Говорить то, что думаем. Но это невозможно. Потому я и боюсь. Поэтому и хочу спрятаться в вашем заведение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.